

2

часть 2

В. В. ЗЕНЬКОВСКИЙ

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ
РОССИИ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

В. В. ЗЕНЬКОВСКИЙ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

ТОМ II

Часть 2

Ленинград
„ЭГО”
1991

Для Погодко
№ 93-1223/4

ЧАСТЬ IV

XX ВЕК

ГЛАВА I.

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ПОСЛЕДНЕГО ПЕРИОДА РУССКОЙ ЖИЗНИ. МАТЕРИАЛИЗМ, НЕОМАРКСИЗМ. ПЛЕХАНОВ, БОГДАНОВ, ЛЕНИН, Т. НАЗ. «СОВЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ».

1. Россия вступила в XX веке в период тяжких и катастрофических испытаний, из которых она не вышла до сих пор. Внешнее потрясение изменило весь государственный и социально-экономический строй России, коснулось всей «частной» жизни населения, а в то же время отразилось и на духовной культуре России. Над современной Россией, действительно, нависла деспотически проводимая система «идеократии», определяющей до последних мелочей и внешнее поведение и все мировоззрение населения... Все это дает повод спросить, — не оборвалось ли совершенно все то богатое и разностороннее развитие русской культуры, — в том числе и культуры философской, — которое было в XIX и начале XX в.? Но в истории, как и в природе, если и бывают «скачки» и перерывы, то они не отменяют прошлого, — и чем резче и сильнее эти скачки, тем яснее вырисовывается позже возврат жизни к прошлому, восстановление целостного исторического потока. Токвиль был прав (в книге «Ancien régime»), когда установил этот тезис на основе изучения французской революции и ее исторических последствий. Для России, еще не вышедшей из стадии революции, этот тезис не может быть пока проведен, конечно, но ведь рядом с несвободной русской жизнью, принудительно сжатой и стесненной, есть огромное явление русской эмиграции, ныне насчитывающей уже несколько миллионов и имеющей возможность развивать свое творчество в свободных условиях. И вот, то, что дала и дает русская эмиграция в разных областях культурного творчества, свидетельствует, что духовный путь России, поскольку он слагается свободно и без давления власти, остается и ныне тем, каким он был ранее. В этом смысле острая вспышка русского

предисловия к «Избранным философским и психологическим исследованиям» Сеченова г. Каганов признает (ссылаясь на неопубликованные письма Сеченова), что Сеченов считал психологию «вполне самостоятельной наукой»¹⁸.

Мы разобрали бегло взгляды Сеченова, чтобы показать, что его вовсе нельзя причислять к материалистам в точном смысле слова. Позиция Сеченова есть позиция натурализма, — что вовсе не есть материализм. Рецепцию материализма в точном смысле — и все же и здесь с некоторыми оговорками — мы находим не у русских ученых естествоиспытателей, а как раз у русских марксистов, особенно в неомарксизме. Диалектический же или исторический «материализм» сам по себе вполне отделим от метафизического материализма; впервые у Плеханова, а затем в советской философии мы действительно находим какое-то фатальное тяготение к материализму метафизическому...

Обратимся к изучению философских воззрений Плеханова.

5. Георгий Валентинович Плеханов (1857—1918) учился в Горном Институте в Петербурге, но очень рано увлекся идеями народовольцев, стал работать среди рабочих, что заставило уже в 1876 г. перейти на нелегальное положение. Участвуя в революционной партии «Земля и Воля», он уже тогда высказывался против террора. Когда в партии произошел на этой почве раскол, Плеханов вышел из партии: вскоре (в 1880 г.) он эмигрировал за границу и в 1883 г. вместе с рядом лиц создал «Группу Освобождения Труда» — первое ядро будущей социал-демократической партии. Плеханов развил огромную литературную и политическую деятельность, печатая в России книги и статьи под различными псевдонимами. В 1985 г. появилась его первая большая книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (под псевдонимом «Бельтова»), в которой он критиковал исторические построения Михайловского (см. т. I, гл. IX) и его группы. Вместе с книгой П. Б. Струве («Критические заметки») работа Плеханова положила начало все возрастающему влиянию марксизма в русском обществе. Ряд выдающихся русских мыслителей и ученых (Булгаков, Бердяев, Франк, Туган-Барановский и др.) примкнули к марксизму и содействовали росту партии социал-демократов. Плеханов же находился в самом центре заграничной группы этой партии, издавал ряд журналов. Когда произошел (на съезде партии в Лондоне в 1903 г.) раскол между так наз. «меньше-

¹⁸ Предисловие к «Избр. фил. и псих. произв.». Стр. 35.

виками» и «большевиками» (во главе последних стоял Ленин), Плеханов, сначала примыкавший к «большевикам», вскоре перешел на сторону «меньшевиков», но потом и от них отошел, заняв особую позицию и не сливаясь ни с одной группой.

Литературная и научная деятельность Плеханова была очень интенсивна. Ему принадлежат очень основательные и ценные работы о Чернышевском, о Белинском, три тома о развитии русской общественной мысли, упомянутая работа «По вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Основные вопросы марксизма», «Очерки по истории материализма» и другие работы. Полное собрание сочинений Плеханова, под редакцией его ученика и последователя Рязанова, вышло в Москве¹⁹.

При изучении воззрений Плеханова обращает на себя внимание как раз его настойчивое стремление соединить философский и исторический материализм. «Материализм воскрес, — пишет он²⁰, — обогащенный всеми приобретениями идеализма — важнейшее из них есть диалектический метод». Надо сказать, что Плеханов действительно основательно знал французский материализм, как о том свидетельствует его книга «Очерки по истории материализма». Плеханов не раз отмечает ошибочные построения Гольбаха и Гельвеция, но к их основному философскому материализму он присоединяется без оговорок. «Французский метафизический материализм, — замечает он в первой книге²¹, — не мог справиться лишь с вопросами развития», т. е. с проблемой исторического бытия. Другим серьезным дефектом французского материализма Плеханов считает «фатализм», т. е. отсутствие учения о свободе²². Французские материалисты пытались из природы человека объяснить историю, т. е. не считались с общественной средой, с производственными отношениями: в этом их позиция и должна быть, по мысли Плеханова, дополнена учением Маркса.

Тезис Маркса — «не сознание определяет бытие, но бытие определяет сознание» — есть исходный пункт столь же в историософии, сколько и в антропологии для Плеханова. Он не

¹⁹ Из литературы о Плеханове можно указать на Jakovenko, Op. cit. S. 356—360, *passim*, Massaryk, Op. cit. B. II. S. 309 ff., статью В. Иофа («Мысль», № 2. Петербург, 1922. Стр. 97—102). См. также Ленин. Соч. т. XIII. Материализм и эмпириокритицизм, (стр. 124 ff., *passim*).

²⁰ Бельтов — Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю (Петербург, 1895). Стр. 117.

²¹ Ibid., стр. 179.

²² Ibid., стр. 232.

отрицает известной независимости в чисто идеиной диалектике²³ и даже готов допустить, что «открытие законов в области естествознания не зависит от общественных отношений»(!). Плеханов признает реальность свободы в человеке, но лишь в истолковании этой свободы у Маркса,— ниже мы займемся этим. Сейчас мы хотим подчеркнуть, что антропология у Плеханова та же, что была у Маркса. Внутренний мир человека слагается в зависимости от экономических отношений— это есть основа всех построений Плеханова, его поправка к учениям французских материалистов. Плеханов, впрочем, не впадает в грубое понимание этой «зависимости» психологии человека от экономических отношений. «В области идеологии,— замечает он²⁴,— многие явления могут быть объяснены только косвенным образом посредством влияния экономического развития». Даже вот как далеко идет он: «структура цивилизованных обществ настолько сложна, что в строгом смысле слова нельзя говорить о состоянии духа и нравов, соответствующих данной форме общества»²⁵. И все же он повторяет слова Маркса о том, что «идеальное есть не что иное, как переведенное и преобразованное в человеческой голове материальное»²⁶. Учение Маркса о «надстройках» (представляющее обобщение идей Фейербаха о сущности религии) целиком принимается Плехановым. Поэтому, он готов учить об изменении человеческой природы под влиянием производственных отношений. «Воздействуя посредством своего труда на природу вне его,— пишет он²⁷,— человек производит изменения в своей собственной природе».

Среди этих изменений, конечно, самым странным является превращение человека, подчиненного сложной сети законов, в свободное существо, в свободного творца. «Производственное воздействие человека на природу,— пишет Плеханов²⁸,— порождает новый род зависимости человека — экономическую необходимость... Но когда человек сознает это, тогда создается возможность нового и окончательного(!) торжества сознания над необходимостью, разума над самим законом». «Когда,— читаем тут же,— человек подчинит своей воле производственные отношения, тогда кончается царство необходимости, воцаряется

²³ Ibid., стр. 196.

²⁴ Очерки по истории материализма (1923 г.). Стр. 192.

²⁵ Ibid., стр. 187.

²⁶ Ibid., стр. 152.

²⁷ Ibid., стр. 159.

²⁸ «К вопросу...» Стр. 230—231.

свобода». Как видим, Плеханов целиком повторяет утопию Маркса, повторяющего здесь старую интеллигентскую позицию Спинозы в его учении, с тем лишь различием, что у Спинозы есть лишь нотки утопизма (в учении о человеке), тогда как у Маркса (а за ним и у Плеханова) учение о «царстве свободы» явилось основанием целой революционной программы²⁹. Весь диалектический процесс истории освещается этой утопией о царстве свободы (которая в то же время совпадает, по законам диалектики, с необходимостью...).

В ближайшей связи с этими положениями диалектического материализма у Плеханова стоят его этические воззрения. Будучи человеком всесторонне образованным, жившим всеми интересами современной культуры, Плеханов был лично благородным и этически глубоким человеком. Хотя по своим теоретическим взглядам он защищал классовую мораль, но, например, в книге «О войне» Плеханов становится на точку зрения Канта (в учении о личности, как самоцели), — и борьба за «освобождение рабочих от ига капитала», третирующего личность, как «средство», а не как самоцель, получает у него чисто моральный смысл (в духе этического идеализма)³⁰. Не менее неожиданной оказалась у Плеханова позиция «национализма» в вопросе об отношении к мировой войне — у Плеханова здесь заговорило здоровое национальное чувство. Противление Плеханова Ленину, у которого находим принципиальный аморализм, среди других оснований, диктуется тоже моральными мотивами. И если, с одной стороны, Плеханов категорически заявляет, что в «нравственных понятиях нет ничего абсолютного»³¹, то для него самого, как раз, существовала общечеловеческая мораль с ее абсолютными принципами. Если однажды он категорически заявил, что «идеализм XIX в. был одним из духовных орудий классового господства»³², то практически он сам был, как было уже отмечено, склонен опираться на этический идеализм Канта. Я думаю даже, что в основе всей политической и идейной эволюции Плеханова лежали именно моральные мотивы (в подлинном смысле этого слова).

Не менее типичны высказывания Плеханова по религиозному вопросу. Он отрицает врожденность религиозных запро-

²⁹ См. об этом, например, у Новгородцева — Об общественном идеале, гл. II, §§ 3, 4, 5.

³⁰ См. справедливые замечания об этом у Иофа («Мысль», 1922, № 2. Стр. 100—101).

³¹ Плеханов. Соч. Т. XIV. Стр. 10.

³² Ibid., стр. 347.

сов, вместе с Контом считает религиозное мышление «низшей» стадией в развитии культуры, решительно отделяет моральную сферу от религии. «Религиозные верования, — писал он, — вредят развитию самосознания рабочего класса»³³, — и тут же, касаясь выступлений Гапона, он защищает свободу совести и с подлинным духовным благородством противостоит презрительному тону у многих его товарищей по партии в отношении к религиозным вопросам.

Нам остается сказать несколько слов о гносеологических взглядах Плеханова. С легкой руки Ленина³⁴, в советской философии установилось презрительно-снисходительное отношение к гносеологии Плеханова за развитую им теорию гносеологического символизма (теория «иероглифов»)³⁵, — в действительности же Плеханов оставался в линиях той гносеологической позиции, которую выработал еще Маркс. Это, прежде всего — реализм. «Если вещи в себе действуют на нас, как говорит Кант, то, значит, мы знаем, по крайней мере, действие вещей на нас, знаем, хоть отчасти, и те отношения, которые существуют между нами и ими. Но если мы знаем эти отношения, то нам известны — через посредство наших восприятий — отношения, существующие между вещами самими по себе»³⁶. Но «наши ощущения, — писал Плеханов, в одном из примечаний к переводу книги Энгельса о Фейербахе, — это своего рода иероглифы, доводящие до нашего сведения то, что происходит в действительности. Иероглифы не похожи на те события, которые ими передаются». Так как теория иероглифов несомненно приближается к позиции гносеологического идеализма, то, конечно, правоверные защитники диалектического материализма ожесточенно нападают на Плеханова.

В общем надо сказать, что, оставаясь правоверным последователем диалектического материализма, как его строили Маркс и Энгельс, Плеханов всегда оставался все же внутренне свободным. Большой литературный талант, тонкое критическое чутье делали Плеханова живым и интересным писателем, в котором верность марксизму никогда не за-

³³ Сочин. т. XIII. Стр. 198.

³⁴ См. его книгу «Материализм и эмпириокритицизм», гл. IV. § 6 (Стр. 190 ff.).

³⁵ См., напр., замечания об этом редактора «Избранных фил. и псих. произведений» Сеченова — г. Каганова. В своей теории «иероглифов» Плеханов действительно ссылается на Сеченова.

³⁶ Очерки по истории материализма. Стр. 240.

глушала ни подлинного морального благородства, ни интереса к истине и к ее прессу³⁷.

Иную концепцию в духе марксизма развивали те писатели, которые стремились, в порядке ревизионизма, связать доктринуialectического материализма с эмпириокритицизмом. Самым выдающимся писателем из этой группы был несомненно Богданов, к изучению которого мы и перейдем.

6. А. А. Богданов (псевдоним А. М. Малиновского) (1873—1928) принадлежал к партии «большевиков» с самого начала ее возникновения, но у него рано возникли разногласия с Лениным на почве философии. Богданов склонялся все время к «ревизионизму», но в своем развитии прошел несколько фаз: сначала он увлекался энергетикой Оствальда и написал книгу «Основные элементы исторического взгляда на природу» (1899). От Оствальда Богданов перешел к эмпириокритицизму, главным образом следуя Маху; под влиянием Маха написана книга Богданова «Эмпириомонизм» (1904-6). Отсюда развилась последняя его система, носящая название «Тектология» (1913—1915). К этому же периоду относится книга «Философия живого опыта» и ряд мелких книг.

Взгляды Богданова вызывали все время резкую оппозицию со стороны других представителей неомарксизма. Главная работа против Богданова написана Лениным («Материализм и эмпириокритицизм»)³⁸; со времени революции 1917 г. нет ни одной книги по dialectическому материализму, где не подвергали бы Богданова жесточайшему обстрелу со стороны правоверных служителей советской философии³⁹. Все же среди защитников неомарксизма Богданов представляет редкое и счастливое исключение в том смысле, что он не «подгоняет» своих построений к определенным выводам, что ему совершенно чужда схоластическая (в дурном смысле слова) манера Ленина в его книге «Материализм и эмпириокритицизм». Богданов остается все время свободным мыслителем, искренно и серьезно принявшим марксизм, но потому и склонным к самому решительному ревизионизму.

Основное вдохновение, если угодно, основная интуиция

³⁷ К философской позиции Плеханова вполне примыкают Деборин (в книге «Введение в философию dialectического материализма», в различных статьях), Л. Аксельрод, «Философские очерки», «Против идеализма». Что касается Деборина, то он, если не ошибаюсь, был учеником Плеханова.

³⁸ Книга эта была издана в 1909 г. под псевдонимом «Вл. Ильич».

³⁹ Много места уделяет критике Богданова Деборин в упомянутой выше его книге. Позиция Богданова бегло, он остро разобрана также Бердяевым в заметке в Вопр. Фил. и Псих. № 65.

О ГЛАВЛЕНИЕ

- Гл. IX. Новейший позитивизм в России и поиски «научной философии». Лесевич, Гrot и др. Вернадский, Мечников, Dii minores
1. Общие замечания. 2. Лесевич, биография. 3. Философия и наука в их взаимоотношении у Лесевича. 4. «Субъективный метод». 5. Гrot H. Я., биография. От позитивизма к метафизике. 6. Поиски «научного мировоззрения». Вернадский, B. И. Аксиома реальности мира. Философия и наука. 7. Мечников И. И. Учение о человеке, «ортобиоз». 8. Dii minores

5

Часть IV. XX-й век

- Гл. I. Общие черты последнего периода русской жизни. Материализм, Неомарксизм. Плеханов, Богданов, Ленин, т. наз. «советская философия»

29

1. Общие черты послереволюционного периода в России. 2. Идейные движения в этот период. 3. Натурализм. 4. И. М. Сеченов, его работы. 5. Плеханов Г. В., его взгляды. 6. Богданов, его позиция и построения. 7. Ленин В. И., его философские взгляды. 8. О так наз. «советской философии»

- Гл. II. Религиозно-философское возрождение в XX в. в России. Мережковский и его группа. Религиозный неоромантизм (Бердяев). Иррационализм (Шестов)

54

1. Религиозно-философское возрождение в России и его различные формы. 2. Мережковский, его идеи. 3. Бердяев, его биография. 4. Этические взгляды Бердяева. 5. Религиозные идеи. 6. Историософские взгляды. 7. Персонализм. 8. Оценка творчества Бердяева. 9. Шестов, его биография. 10. Религиозный мир его. 11. Критика рационализма. 12. Оценка творчества Шестова.

93

- Гл. III. Кн. С. и Е. Трубецкие

1. Кн. С. Н. Трубецкой, биография. 2. Вопросы антропологии у него. 3. Метафизика и гносеология. 4. Кн. Е. Трубецкой, биография. 5. Учение о «безусловном сознании». 6. Проблемы космологии

- Гл. IV. Метафизика на основе трансцендентализма. Спир. Вышеславцев. Струве. Новгородцев. Философские искания И. А. Ильина. Гуссерлианцы (Шпет. Лосев)

114

1. Вступительные замечания. 2. А. И. Спир. Биография, основные идеи. 3. Б. П. Вышеславцев, биография. Работа о Фихте.

4. Проблемы антропологии у Вышеславцева. 5. П. Б. Струве, биография. 6. Философские построения Струве. 7. П. И. Новгородцев. Основные идеи. Б. А. Кистяковский. Н. Н. Алексеев. 8. И. А. Ильин. Учение о философском опыте. Основные идеи. 9. Г. Г. Шпет, его основные взгляды. 10. А. Ф. Лосев. Диалектическая феноменология. Метафизические взгляды

Гл. V. Метафизика всеединства. А) Системы Л. П. Карсавина и С. Л. Франка 144

1. К истории софиологической проблемы в русской философии. 2. Л. П. Карсавин. Богословие и философия. 3. Метафизика Карсавина. 4. Философия истории. 5. С. Л. Франк, общие замечания о его творчестве. 6. Интуиция всеединства. 7. Структура бытия по Франку. 8. Еще о метафизике Франка. Проблема зла. 9. Гносеологические взгляды Франка. Оценка системы Франка

Гл. VI. Метафизика всеединства. В) О. П. Флоренский и о. С. Булгаков 180

1. Проблематика концепции «всеединства». 2. О. П. Флоренский, характерные черты творчества. 3. Гносеологическая позиция Флоренского, антиномизм. 4. Метафизика Флоренского. Понятие Софии. 5. о. С. Булгаков, биография. 6. Влияния, пережитые о. Булгаковым. 7. От космоса к Абсолюту. 8. Проблема Софии в разные периоды творчества Булгакова. 9. Монизм на основе софиологии. 10. Проблема зла: идея свободы у о. Булгакова. «Софийная детерминация». 11. Оценка системы о. С. Булгакова

Краткий обзор философского творчества авторов, не упомянутых в предыдущем изложении 227

Е. В. Спекторский. П. А. Некрасов. Д. В. Болдырев. В. Ф. Эрн. о. Г. Флоровский. В. Е. Сеземан. М. М. Рубинштейн. В. И. Ильин. Л. А. Зандер

Заключение 231

1. О методе изучения отдельных мыслителей. 2. Оценочный момент в основной схеме данной работы. Секуляризм в Зап. Европе и в России. 3. «Особый путь» русской философии

Послесловие 236

Приложения

Прот. В. Зеньковский. Кто фальсифицирует историю русской философии 245

Прот. В. Зеньковский. Очерк философской системы 251

Комментарии 254

Указатель имен 256

Предметный указатель 258